

Хаткова Ирина Нальбиевна,
канд. филолог. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
Khatkova Irina Nalbievna,
Candidate of philological sciences, docent,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Adyghe State University”

Бешукова Фатима Батырбиевна,
доктор филол. наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
Beshukova Fatima Batyrbieva,
doctor of Philological Sciences, Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Adyghe State University”

**ХРОНОТОП СНА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»
THE CHRONOTOPES OF DREAM AND REALITY
IN F.M. DOSTOEVSKY’S NOVEL “THE IDIOT”**

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфических принципов организации, функций и смыслового наполнения пространственно-временных структур сна в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Используются следующие методы исследования: структурно-типологический, мотивный анализ, сравнительно-сопоставительный. Делается вывод о том, что романе Ф.М. Достоевского «Идиот» сон выступает как внутренняя правда реальности, ее сокровенный и часто пугающий контекст, а реальность оказывается внешним осуществлением сновидческих проекций – как созидательных, так и разрушительных.

Abstract. The article is devoted to the study of the specific principles of organization, functions, and semantic content of the spatial-temporal structures of sleep in F.M. Dostoevsky’s novel «The Idiot». The following research methods were used: structural-typological, motif analysis, and comparative-contrastive. It is concluded that in Dostoevsky’s «The Idiot», sleep acts as the inner truth of reality, its hidden and often frightening context, while reality turns out to be the external realization of dream projections – both creative and destructive.

Ключевые слова: Хронотоп, сон, действительность, пространство, время, нарратив, идеал, реальность.

Keywords: Chronotope, dream, reality, space, time, narrative, ideal, reality.

В произведениях Федора Михайловича Достоевского сны – это важный художественный способ, раскрывающий психологию героев, отражающий их нравственные муки. Сон и действительность в романе «Идиот» выстраиваются по принципу драматического взаимопроникновения и конфликта, где сновидческое пространство-время не просто дополняет или отражает реальность, но становится ареной для столкновения центральных философских и экзистенциальных антиномий романа – идеала и порока, красоты и разрушения, святости и безумия. В романе «Идиот» сны обретают роль роковых прозрений, которые обнажают трагическую несовместимость идеала князя Мышкина с законами действительности. Хронотоп реальности здесь изначально представлен как хаотичный, лихорадочный и распадающийся – пространство петербургских гостиных, где время сжато до

предела, насыщено скандалами и моральными катастрофами. В этот нестабильный мир, живущий по законам корысти и тщеславия, вторгается иная пространственно-временная организация снов и видений, подчиняющихся логике вечности, ужаса и откровения.

Сны князя Мышкина оказываются на границе между реальностью и иллюзорным восприятием действительности. Его сновидения отражают руководящие ими христианское сострадание и предчувствие предстоящей трагедии. В снах князя Мышкина ощущается постоянное соотношение сознательного и бессознательного. Например, главный герой живет постоянным предчувствием встречи с Настасьей Филипповной, которая приходит к нему постоянно во снах в качестве инфернального явления: «...Но странно у ней было теперь как будто совсем не такое лицо, какое он всегда знал, и ему мучительно не хотелось признать ее за ту женщину. В этом лице было столько раскаяния и ужаса, что казалось – эта была страшная преступница и только что сделала ужасное преступление. Слеза дрожала на ее бледной щеке» [1, с. 67]. Князь Мышкин интуитивно улавливает особенности ее характера и натуры в сновидениях, ее образ раскрывается через чувство любви и стремление к идеалу, которое отличается от общепринятых норм поведения женщины в обществе. Интересным является то, что уже в первом сне князя Мышкина ощущается трагическое предчувствие того, что взаимодействия с Настасьей Филипповной напрямую усложняют его отношения с Аглаей. Образ Настасьи Филипповны прослеживается также в упоминании о снах других героев романа, например, Рогожина, что подтверждает ее доминирующее значение для сюжета: «Она мне теперь во сне снится каждую ночь: все что она с другим надо мной смеется» [1, с. 102]. Сны Мышкина и Рогожина о героине воплощают собой своего рода метафорическое кольцо, демонстрирующее обреченность чувств и судеб героев.

Специфической особенностью романа «Идиот» Ф.М. Достоевского является то, что сновидения видятся не только главным героям, но и второстепенным, что определяет их значимость для понимания ключевой проблематики художественного произведения. Ключевое значение для мотивов романа «Идиот» имеют сновидения Ипполита Терентьева, выступающего в тексте в качестве антагониста князя Мышкина. Ф.М. Достоевский изображает триаду сновидений Ипполита Терентьева, которые воплощают собой состояние «дурных» видений:

- 1) сон о гадине, которая убила собаку героя;
- 2) сон о всеильном, огромном тарантуле;
- 3) сон, в котором возникает приведение Рогожина.

Примечательным является то, что основными образами в сновидениях Терентьева являются насекомые – скорлупчатая гадина и тарантул, служащие в творческом мире Ф.М. Достоевского символами наступления смерти.

Сам Ипполит Терентьев воспринимает собственные сновидения в качестве предвестников страшных событий, которые могут пророчить болезни и смерть. Например, герой с брезгливостью и страхом вспоминает о сновидении, мучающем его ужасными сюжетами: «Я, впрочем, спросонья. Какой я ужасный сон видел, теперь только припомнил... Я вам не желаю таких снов, князь, хоть я вас действительно, может быть, не люблю. Впрочем, если не любишь человека, зачем ему дурного желать, не правда ли? Что это я всё спрашиваю, всё-то я спрашиваю! Дайте мне вашу руку; я вам крепко пожму ее, вот так...» [1, с. 162]. Образ гадины, которая внезапно появляется во сне Ипполита Терентьева, соотносится с опасностью, с неожиданными негативными воздействиями реальности на внутренний мир героя. «В комнату пришли моя мать и какой-то ее знакомый. Они стали ловить гадину, но были спокойнее, чем я, и даже не боялись. Но они ничего не понимали. Вдруг гад выполз опять; он полз в этот раз очень тихо и как будто с каким-то особым намерением, медленно извиваясь, что было еще отвратительнее, опять наискось комнаты, к дверям. Тут моя мать отворила дверь

и кликнула Норму, нашу собаку, – огромный тернеф, черный и лохматый; умерла пять лет тому назад. Она бросилась в комнату и стала над гадиной как вкопанная» [1, с. 182]. Примечательно, что сон Терентьева о гадине представляет собой художественное воплощение экзистенциального кошмара, где пространственно-временные законы полностью подчинены логике нарастающего ужаса, отчуждения и метафизического тупика. Если сон Ипполита Терентьева – это пространство и время ужаса, тления и безвыходности, то реальность Мышкина потенциально открыта для сострадания, чуда и веры. Однако вторжение сна в реальность, их нарративные слияния в момент пробуждения указывает на то, что в мире романа «Идиот» эти два хронотопа обречены на трагическое столкновение, в котором хронотоп кошмара часто оказывается гораздо сильнее. Сон Ипполита – это не просто субъективный психологический эпизод: это модель мира, лишённого Бога и смысла, где единственной реальностью является страшное существо, возникающее в сновидениях.

Следует отметить, что в сновидениях Ипполита Терентьева ощущается предчувствие неминуемых событий, которые во многом представляют собой отрицательную гиперболизацию чувств и переживаний. Например, это прослеживается в сновидении об огромном тарантуле, воплощающего собой символ смерти: «Всё это мерещилось и мне отрывками, может быть действительно между бредом, иногда даже в образах, целые полтора часа по уходе Коли. Может ли мерещиться в образе то, что не имеет образа? Но мне как будто казалось временами, что я вижу, в какой-то странной и невозможной форме, эту бесконечную силу, это глухое, темное и немое существо. Я помню, что кто-то будто бы повел меня за руку, со свечкой в руках, показал мне какого-то огромного и отвратительного тарантула и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всемогущее существо, и смеялся над моим негодованием» [1, с. 201]. Символика сна строится на образе гибридного, искусственного чудовища, сознательно сотворенного в сознании героя. Чудовище становится материализацией самой смерти как абсурда – не героического или осмысленного конца, а неизменного, отвратительного процесса умирания, который Ипполит переживает ежечасно из-за чахотки. Пространственно-временная организация сна, его хронотоп моделирует внутренний мир Терентьева. Время в кошмаре субъективно и мучительно растянуто: оно измеряется не минутами, а нарастанием памяти, серией безвыходных столкновений с ужасным существом. При этом Ипполит с клинической, почти натуралистической детализацией фиксирует анатомию чудовища, что выдает работу сознания, бессильно пытающегося рационализировать ирреальное состояние. Кульминацией становится появление собаки Нормы, умершей пять лет назад. Это вторжение прошлого в сон – ключевой момент в сновидении. Образ Нормы символизирует инстинктивную, природную жизненную силу, защитный рефлекс самой жизни против небытия. Ее борьба с тарантулом – это последняя, отчаянная попытка самого Ипполита дать отпор смерти. В итоге Норма погибает, получив укус в язык, а раздавленное чудовище выпускает «белый сок, похожий на сок раздавленного черного таракана» [1, с. 209].

Пробуждение Ипполита синхронизовано с приходом князя Мышкина, что создает глубокую смысловую антитезу. Князь, носитель идеи сострадания и веры в высший смысл, входит в реальность в тот самый момент, когда в сознании Ипполита торжествует образ бессмысленного зла. Этот нарративный жест подчеркивает, что сон является не частным кошмаром, а альтернативным откровением, богоборческим анти-Евангелием. Ипполит не просто констатирует страдание, но и предъявляет миру его материальный, отвратительный образ как аргумент против божественной гармонии. Его сон – это вызов князю, эстетическое и философское опровержение его тезиса о том, что «мир спасет красота» [1, с. 209]. Сон о тарантуле выполняет в романе несколько фундаментальных функций:

1) психологическая – проекция состояния человека, раздавленного болезнью и страхом небытия;

2) философская – выражение экзистенциального бунта, доведенного до метафизической образности;

3) полемическая – прямой ответ на вызов христианскому гуманизму князя Мышкина.

Таким образом, в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» функции сна и реальности нельзя свести к простому противопоставлению иллюзии и действительности. Сон выступает часто как внутренняя правда реальности, ее сокровенный и часто пугающий контекст. Реальность же оказывается внешним осуществлением сновидческих проекций – как созидательных, так и разрушительных. Их диалектика позволяет Ф.М. Достоевскому показать, как трагическую невозможность воплощения идеала в материи действительности, которая живет по законам греха и смерти. Через эту динамику раскрывается главная мысль романа: разрыв между «последней правдой» индивидуального сознания и «общей правдой» социального бытия, обрекая любого носителя абсолютного добра или абсолютного отрицания на гибель или безумие.

Список литературы:

1. Достоевский, Ф.М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – Москва: Эксмо, 2006. – 637 с.

